

В ощущении всепоглощающего жара он внезапно почувствовал, как в его тело вливается прохладный поток воды. Его искореженное, судорожно подергивающееся тело постепенно успокоилось. Он с усилием приоткрыл глаза и с удивлением обнаружил, что видит — не «чувствует», а действительно видит глазами.

— Мама? — Цюй Хэ не ожидал, что сможет открыть глаза. Он сомневающе посмотрел на женщину перед собой и хрипло произнес.

Мать Цюй Хэ на миг застыла, затем с радостью и надеждой подняла на него взгляд:

— Сынок! — она обняла Цюй Хэ и разрыдалась, не сдерживая эмоций. — Мой мальчик, ты же меня извел!

Цюй Хэ дрожащими руками обнял мать. Он давно не называл её так — в раннем детстве дедушка с бабушкой относились к нему прохладно, отец и тётя вовсе не обращали внимания, и только мать любила его.

Позже, когда он вырос, став в семье единственным мужчиной, его положение резко изменилось. Его дядя по матери был бездетным, поэтому племянник стал фигурой важной, и многие в семье стали угождать ему. Отношения с матерью охладели. После основания КНР дядя стал видным деятелем, семья взяла курс на перемены, и он впервые за много лет снова произнес это ласковое детское обращение.

Дождавшись, когда мать выплечется, он вспомнил о страданиях последних дней. Тело рефлекторно содрогнулось от боли, и в голосе прозвучали ненависть и ярость:

— Мама, позови отца и дедушку. Я хочу убить Лян Цзивэня!

Он давно всё понял. В тот вечер ему было странно, почему Лян Цзивэнь заставил их есть землю, теперь причина стала ясна. Он ненавидел Лян Цзивэня до зубного скрежета, но больше — боялся. Лян Цзивэнь был жесток, он мог прикончить человека, не моргнув глазом.

Если бы он сейчас сказал, что это Лян Цзивэнь его подставил, никто, кроме матери, не поверил бы. Поэтому он решил промолчать и просто найти способ избавиться от этого негодяя.

Цюй Хэ внезапно рухнул на пол. Мать снова зарыдала:

— Мальчик мой, что с тобой?

— Я отдохну, просто отдохну... — прошептал он. Сердце бешено колотилось, голова кружилась, зубы слегка выбивали дробь. При одной мысли о Лян Цзивэне его охватывал озноб. Лян Цзивэнь оставил в его душе неизгладимый страх.

Из-за остаточных явлений болезни Цюй Хэ провел дома два дня, восстанавливая силы. Затем он собрал толпу и двинулся к дому Лянов с внушительным отрядом.

Староста узнал о выступлении Цюй Хэ, когда тот уже был в пути. В тот момент староста обедал, но, услышав новость, уронил палочки на пол. Собравшись с духом, он оставил недоеденный обед и приказал посыльному срочно предупредить семью Лянов, а сам поспешил на площадь для сушки зерна.

Гулкие звуки ударов в огромный гонг, которому было несколько сотен лет, прокатились по деревне. Этот гонг использовался только в чрезвычайных ситуациях — его звук означал общий

сбор и требование беспрекословного выполнения приказа. Даже во время кампании по выплавке стали деревня сделала всё, чтобы сохранить его, пожертвовав другим имуществом.

Ранее он обсуждал со старейшинами, что гонг можно использовать лишь в исключительном случае, и то лишь в присутствии стариков. Но сейчас ситуация была критической, и времени на сборы не было.

Семья Лянов отдыхала. Лян Цзихэн, Лян Цзию и Чжань Цзюцзян лежали, положив головы на колени Лян Цзивэня, и смежили глаза.

Сначала звук был тихим, но становился всё громче и громче, словно готовый разорвать барабанные перепонки. Дедушка Лян, который не спал, услышав этот сигнал, мгновенно вскочил с постели.

И дети, и взрослые знали важность этого сигнала, даже недавно прибывшие дедушка и внук Чжани были проинструктированы заранее.

— Лян Цзивэнь... — Чжань Цзюцзян хотел что-то сказать, но Лян Цзивэнь притянул его к себе, откинул прядь со лба и поцеловал. Чжань Цзюцзян улыбнулся. Лян Цзивэнь тоже хотел ответить улыбкой, но почувствовал, как кто-то дергает его за штанину. Он опустил взгляд и увидел Лян Цзихэна, который смотрел на него широко раскрытыми глазами, не отрываясь.

Лян Цзивэнь отпустил Чжань Цзюцзяна и, прижав к себе Лян Цзихэна, тоже поцеловал его. Мальчик тут же расхохотался и чмокнул Лян Цзивэня в щеку, оставив влажный след. Закончив с Лян Цзихэном, Лян Цзивэнь не мог обойти вниманием и Лян Цзию, который надул губы рядом. Он, всё ещё держа одного брата на руках, наклонился к другому и поцеловал его в лоб.

Пока трое братьев Ляна демонстрировали братскую любовь, взрослые переживали не лучшие времена.

Жители деревни Лянли схватили всё, что могло служить оружием, и взрослые, и дети бросились к площади для сушки зерна, где обычно проходили собрания.

Староста встал на скамейку, возвышаясь над толпой. За ним стояло с десяток пожилых людей с седыми волосами. Когда все собрались, воцарилась тишина.

— Земляки, родичи из рода Лян! Вы все знаете, что в эти дни в нашей деревне произошло большое событие! — Хотя старосте было уже за шестьдесят, годы труда закалили его: смуглое, худощавое тело было мускулистым.

— Народа у нас немного, но мы — одна сплоченная семья. После освобождения в окрестных деревнях казнили множество помещиков и богачей, но мы этого не сделали. Когда сверху требовали сдать определенное количество «эксплуататоров», мы выдержали давление, и здесь никто не suffered несправедливо!

В нашей деревне триста шестьдесят семь носителей фамилии Лян и пятьдесят шесть человек других фамилий. Я, Лян Чжичэн, могу с уверенностью сказать: я никогда не считал инородцев чужими. Сегодня здесь стоят триста пятьдесят один Лян и пятьдесят четыре человека других фамилий. Причина, думаю, всем ясна. Деревня Лянли — наш корень. Будь вы Ляны или Ли, вы стоите на этой земле, вы едите хлеб, выросший здесь, пьете местную воду. Кто из вас посмеет сказать, что не испытывает к этому месту никаких чувств?

Мы жили вместе, вместе работали в поле, вместе ели из общего котла, вместе гуляли плечом к

плечу. Не верю, что вам безразлична судьба односельчан, которых сейчас держат под стражей. Что они сделали не так? Разве было ошибкой защитить дочь или отстаивать справедливость? Если их накажут за правильные поступки, кто в будущем осмелится помочь? Кто осмелится выпустить своих дочерей из дома?

Сейчас те, кто творит зло, вооружились, чтобы ворваться в нашу деревню и забрать людей. Если вы хотите продолжать молчать, если готовы терпеть, чтобы вас топтали ногами, продолжайте молчать! Сегодня пал один хороший человек — кто гарантирует, что завтра встанет другой? Сегодня злодей победил, но я ручаюсь, что завтра их будут тысячи! Вы хотите, чтобы ваших дочерей и жен обижали, а вы униженно просили бы сделать это снова? Если кто-то боится нажать врагов, боится чужой власти, ничего, мы понимаем. Оставайтесь здесь, никто вас не удерживает! И никто не запретит.

Закончив речь, староста спрыгнул со скамейки и, широко взмахнув рукой, с решимостью повел своих сыновей и внуков к въезду в деревню.

Остальные переглянулись. Большинство сжало оружие в руках и двинулось следом. Они были людьми с характером, долго терпя гнет семьи Цюй Хэ, в их душах тоже копилась злость. Не говоря уж о родственных чувствах к роду Лян, сам дух деревни требовал действовать, иначе в будущем не видать им доброй жизни.

<http://bllate.org/book/16557/1510945>